

УДК 316.752

УСТАНОВКИ В ОТНОШЕНИИ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В ПОЛЬШЕ И РОССИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЦИАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹

А. А. ШИРОКАНОВА¹⁾

¹⁾Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
ул. Мясницкая, 20, 101000, г. Москва, Россия

Сравниваются представления о социальном обеспечении в двух крупнейших странах с постсоциалистическим режимом социального государства – Польше и России. Цель статьи – определить различия в запросе на государство поляков и россиян в начале экономического кризиса 2008 г. и после его завершения в 2016–2017 гг. путем сравнения между собой и во времени. По данным 4-й и 8-й волн (2008, 2016 гг.) Европейского социального исследования (ESS) сопоставляются ожидания в отношении объема социальной ответственности государства, справедливости при распределении пособий по безработице для разных целевых групп, а также представления о негативных моральных и социальных последствиях социального государства. В обеих странах большинство респондентов считают справедливым общество с низким неравенством, но поляки намного чаще признают, что социальные выплаты оказывают негативное влияние на мораль. Россияне чаще ожидают безусловной финансовой поддержки от государства и ниже оценивают роль социальных выплат в снижении неравенства. На основании линейных регрессий также показано, что запрос на государственную поддержку в Польше выше у менее образованных респондентов и у тех, для кого важно жить в безопасности, а в России такой связи нет. Ориентация на государство в России значительно сильнее, чем в Польше, несмотря на рыночные реформы в обеих странах и их принадлежность к общему типу социального государства.

Ключевые слова: социальное обеспечение; Европейское социальное исследование; доверие; ценности; Польша; Россия.

ATTITUDES TOWARDS THE WELFARE STATE IN POLAND AND RUSSIA: EUROPEAN SOCIAL SURVEY RESULTS

A. A. SHIROKANOVA^a

^aNational Research University Higher School of Economics,
20 Myasnitskaya Street, Moscow 101000, Russia

This article compares social welfare attitudes in two major societies with the postsocialist social welfare regime, Poland and Russia. The aim of the article is to identify the differences in the 'request for welfare' among Poles and Russians at the beginning of the Great Recession of 2008 and after its end in 2016–2017 by comparing the countries between themselves and in time. The European Social Survey (ESS) data of the 4th and 8th rounds (2008, 2016) are used to contrast the expectations of the scope of welfare, justice in distributing unemployment benefits for various target groups as well as opinions on the

¹Статья подготовлена на основе результатов проведенных исследований в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

Образец цитирования:

Широканова А. А. Установки в отношении социального обеспечения в Польше и России: результаты Европейского социального исследования // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2018. № 1. С. 135–143.

For citation:

Shirokanova A. A. Attitudes towards the welfare state in Poland and Russia: European Social Survey results. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2018. No. 1. P. 135–143 (in Russ.).

Автор:

Анна Александровна Широканова – кандидат социологических наук; старший научный сотрудник лаборатории сравнительных социальных исследований.

Author:

Anna A. Shirokanova, PhD (sociology); senior researcher of the laboratory for comparative social research.
a.shirokanova@hse.ru

negative moral and social consequences of the welfare state. In both countries, the majority support a society with low inequality, but Poles believe much more often that social benefits have negative moral consequences. More Russians expect unconditional financial support from the state and have lower views of the role of social benefits in reducing inequality. Linear regressions also show that the 'request for welfare' in Poland is higher among the lower educated respondents and those with high score on the basic value of Security, while in Russia these links are not significant. To sum up, expectations of the comprehensive role of the welfare state are much more widespread in Russia as compared to Poland, despite the market reforms and despite both countries representing a common type of the welfare state.

Key words: welfare attitudes; ESS; trust; value; Poland; Russia.

Введение

Запрос на социальное государство – государственную поддержку уязвимых групп населения – в той или иной форме поддерживается населением всех европейских стран [1; 2]. Институционализация финансовой поддержки нуждающихся за счет общественных средств появилась как реакция на негативные следствия индустриализации и воплотилась в различных типах, режимах социальных государств.

Изначально выделялись три таких типа: либеральный (Великобритания), консервативный (Германия) и социал-демократический (Северные страны) [3]. Впоследствии были также обоснованы фамилиаристический [4] и постсоциалистический типы социального государства. Для них характерно следующее [5, с. 11–12]:

- социал-демократический тип (Северные страны) – универсальный доступ к социальным благам, защита от воздействия рынка и полная занятость;
- консервативный (Германия, Франция) – поддержание доходов в зависимости от профессиональной группы, социальные гарантии пропорциональны уплаченным индивидом налогам и стажу;
- либеральный (Великобритания, Ирландия) – социальные гарантии только для особенно нуждающихся, персональная ответственность за материальное благополучие и страхование от рисков;
- фамилиаристический (Греция, Испания) – фрагментарные социальные гарантии, поддержка семьи как «поставщика» социальных услуг;
- постсоциалистический (Польша, Россия и др.) – невысокий уровень социальной поддержки, усиление индивидуальной ответственности, снижение социального страхования.

Во всех этих типах социального государства со временем появилась проблема перегрузок, вызванных как социально-демографическими изменениями (старение населения Европы и второй демографический переход), так и последствиями глобального экономического кризиса 2008 г. – «Великой рецессии». С начала кризиса в 2008 г. возросла доля уязвимых групп населения и прекарнизация труда. Растущие различия в уровне неравенства внутри европейских стран повлекли за собой сокращение удобств социального государства и выразились также в том, что высшие классы получили

новые возможности для развития, а низшие – столкнулись с прекарным трудом и безработицей, становясь «проигравшими в модернизации» [6, с. 301]. Проявились и спонтанные негативные последствия социального государства: социальное иждивенчество, замедление экономического роста и снижение социальной солидарности [1]. Хорошо функционирующее государство всеобщего благосостояния гарантирует такие нормы, как справедливость и солидарность, и должно обеспечивать гражданам возможность участия в процессе принятия решений. В то же время быстрые трансформации в обществе приводят к появлению защитных реакций в виде усиления этноцентризма, ценностей порядка, сильного лидерства, отрицания равенства и терпимости [6, с. 305].

В постсоциалистических странах объемы государственной социальной помощи меньше, чем в странах Западной и Северной Европы [5], а чем эти расходы ниже, тем выше запрос на социальную поддержку со стороны государства. И действительно: еще до кризиса 2008 г. в фамилиаристических и постсоциалистических странах запрос на государственное обеспечение медицинской помощи, уровня жизни людям в старости, ухода за больными, за детьми работающих родителей, на обеспечение работой и уровень жизни безработных был существенно выше, чем во всех остальных типах социального государства в Европе [5, с. 18].

Цель статьи – определить, в чем состоят максимальные различия в запросе на государство в двух крупнейших восточноевропейских странах, России и Польше, в содержательных аспектах, во времени и в связи с индивидуальными детерминантами установок в отношении социального обеспечения. Для этого были поставлены следующие исследовательские вопросы:

- Каков запрос на социальное государство в Польше и России после экономического кризиса и почти тридцати лет социально-экономических реформ?
- В чем этот запрос различается между Польшей и Россией?
- Как он изменился с 2008 г.?
- Как данный запрос связан с индивидуальными характеристиками респондента?

И Польша, и Россия прошли интенсивный период экономических реформ в 1990-е гг. и перешли к капитализму, стали частью международных проектов экономической интеграции. В то же время десятилетия государственного доминирования в экономике оказали долговременное воздействие на индивидуальные предпочтения: восточноевропейцы чаще считают желательным перераспределение и меньшее неравенство [7]. Неравенство в доходах снижает удовлетворенность жизнью всего общества [2, с. 18], особенно в Восточной Европе [7]. При этом уровень неравенства в России и Польше – выше среднего по Европе [8, с. 15]. В России, как и в Польше, запрос на социальное государство значительно превышает готовность обеспечивать его функционирование налогами [9, с. 59]. В 2008 г. Россия по степени запроса на государство находилась в верхней трети перечня европейских стран (6-е место из 32), Польша – посередине (20-е из 32), но удовлет-

воренность социальной политикой государства оценивалась одинаково низко (27-е и 28-е места из 32) [5, с. 19; 10, с. 5]. Средний уровень доверия в обеих странах на европейском фоне очень близок между собой и ниже среднего по Европе – менее 4,5 из 10. Такой «климат недоверия» [11, с. 54–55] может подрывать легитимность политического порядка [12, с. 205]. Можно ожидать, что и в Польше, и в России запрос на социальное государство будет оставаться высоким и что он возрос по сравнению с 2008 г.

Часто все постсоциалистические страны Европы в сравнительных исследованиях для удобства классификации представляют как одну группу стран [2; 5]. В то же время очевидно, что на уровне конкретных обществ существуют особенности и отличия [13, с. 56]. Настоящая статья расширяет эту нишу, фокусируясь на максимальных различиях в запросе на социальное государство и его индивидуальных факторах в Польше и России.

Факторы формирования запроса на государство

В специальной литературе об установках в отношении социального обеспечения принято различать индивидуальные и групповые факторы. К *индивидуальным* относятся [1]:

- индивидуальный интерес – социально-статусные характеристики, обуславливающие личную заинтересованность индивида в социальном обеспечении;
- идеи – ценности, установки и убеждения, такие как политические взгляды, общие представления о социальном государстве и его зоне ответственности, а также религиозные воззрения.

Исследованные *групповые* факторы запроса на государство включают в себя институциональные характеристики режима социального государства, в том числе его изменения во времени, а также социально-экономические показатели и популярные в обществе представления о справедливости [1, с. 184]. Тип режима социального государства, исторические условия, политические события и медиа могут усиливать или смягчать восприятие экономического кризиса [6, с. 305], влияя на индивидуальные предпочтения, даже если сам индивид их не поддерживает.

Механизм формирования установок в отношении социального государства можно представить в следующей схеме [10, с. 4]: на отношение к социальному государству и оценку его работы влияют predispositions (доверие, убеждения, ценности), формирующиеся под воздействием институциональной среды и индивидуальных представлений о существующих рисках и имеющихся ресурсах (рис. 1).

Поскольку представленный ниже анализ фокусируется только на двух странах в рамках одной модели социального государства, будет проанализи-

рована связь индивидуальных факторов с ожиданиями в отношении социального обеспечения, а институциональные факторы оцениваться не будут.

Личные ценности являются особенно важными для понимания поддержки социального государства, справедливости и других социальных проблем [14, р. 1113]. В соответствии с концепцией Ш. Шварца базовые ценности – это «желаемые кросс-ситуативные цели, которые служат руководящими принципами в жизни человека» [5, с. 12]. Базовые ценности формируют универсальную типологию из десяти типов, которые образуют ценностный континуум, обычно представляемый в виде круга [5, с. 13; 13, с. 34]. Все ценности также упорядочены вдоль двух осей: «сохранение – открытость изменениям» и «самоутверждение – забота о людях и природе» [15]. Два других организующих принципа в описании базовых ценностей – чьим интересам служат конкретные ценности (личные или общественные) и отношение ценностей к тревожности (самозащита или рост и развитие). Выражению личных интересов служат такие ценности, как власть-богатство, достижение, гедонизм, риск-новизна и самостоятельность. За реализацию общественных интересов отвечают благожелательность, универсализм, традиция, конформность и безопасность. Одни ценности помогают справиться с тревогой от неопределенности, избегая конфликтов (конформность), поддерживать существующий порядок (традиция, безопасность) или контролировать угрозы (власть-богатство), тогда как другие выражают мотивации, свободные от тревожности и беспокойства, – это ценности развития: гедонизм, риск-новизна, универсализм, благожелательность [15, с. 947].

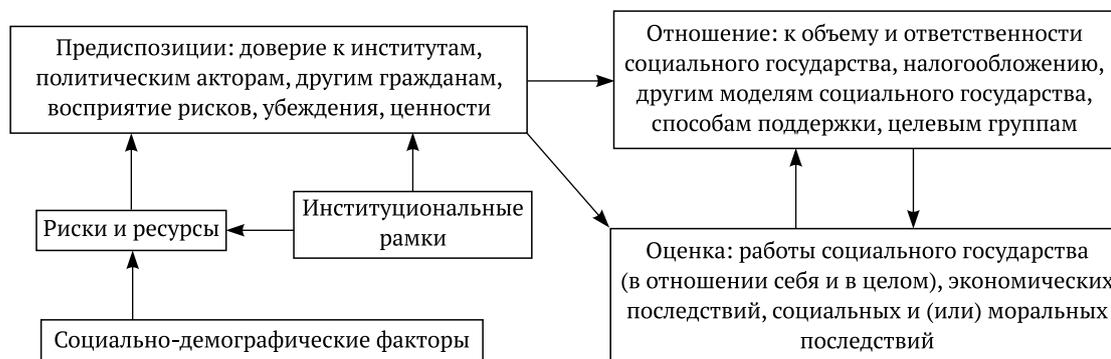

Рис. 1. Факторы отношения к социальному государству. Источник: [10, с. 4]

Fig. 1. Factors of Welfare Attitudes. Source: [10, p. 4]

Ранее было показано, что запрос на государственную социальную поддержку положительно связан с ценностями безопасности и отрицательно – с ценностями самостоятельности, причем в постсоциалистических странах эта связь более тесная [5, с. 20–21]. Таким образом, можно ожи-

дать, что запрос на государство будет значимо больше среди тех, у кого есть индивидуальный интерес, – женщин и безработных, и что ценность безопасности будет связана с более высоким запросом на государство, а ценность самостоятельности – нет.

Материалы и методы исследований

Данная работа базируется на результатах Европейского социального исследования (ESS) – новейшего из регулярных сравнительных европейских опросов. Опросы ESS были организованы международным исследовательским консорциумом и проводятся каждые два года начиная с 2002 г. В настоящее время на сайте проекта (<http://www.europeansocialsurvey.org/>) опубликованы результаты восьми волн исследования. За указанное время опрос проводился по национально-репрезентативным выборкам уже в 36 европейских странах.

Результаты и документация исследования открыты для использования в исследовательских и образовательных целях. Кроме того, ESS осуществляет широкую образовательную работу, в рамках которой были созданы электронный обучающий модуль ESS EduNet и программа для онлайн-анализа данных, позволяющая выполнять некоторые виды анализа данных на сайте проекта без специального программного обеспечения. Одной из особенностей ESS относительно иных международных проектов, прежде всего Европейского исследования ценностей и Мирового исследования ценностей, является достижение максимальной эквивалентности эмпирических данных по странам, для чего используются новейшие методологические приемы сбора и сравнения данных. Другими отличительными особенностями ESS среди крупных проектов являются ориентация на среднесрочную перспективу (опросы каждые два года) и разделенные вопросы исследования на стабильное «ядро» (показатели, включенные во все волны) и два ротационных тематических модуля (наборы показателей по 35–50 вопросов по двум научным те-

мам, которые отбираются в открытом конкурсе) [16, с. 145–162].

Темы основной части ESS – ценности и идеологические ориентации, национальная и этническая идентичность, социальная уязвимость, использование медиа, социальный статус. Темы проведенных «ротационных модулей»: личное и социальное благополучие (2006, 2012); работа, семья и благосостояние (2004, 2010), время и события в жизни людей (2006); иммиграция (2002, 2014); возраст и старение (2008); социальное государство (2008, 2016); восприятие справедливости (2010) и др.

Представленный здесь анализ основан на вопросах за 2008 и 2016 гг. об установках в отношении социального обеспечения. В обеих волнах приняли участие 17 стран (Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Израиль, Ирландия, Нидерланды, Норвегия, Польша, Россия, Словения, Финляндия, Франция, Чехия, Швейцария, Швеция, Эстония). Первая волна данных о запросе на государство была собрана в конце 2008 – начале 2009 г., что совпало с наступлением экономического кризиса, ударившего по Европе и России. Результаты волны, проведенной в конце 2016 – начале 2017 г., позволяют оценить динамику запроса на социальное государство после кризиса.

Сравнения были проведены с использованием методики, позволяющей компенсировать несоответствие между выборочной и генеральной совокупностью, а также различную численность населения стран для их более корректного сравнения [17]. Оценки силы факторов запроса на государство получены с помощью множественной линейной регрессии внутри страны.

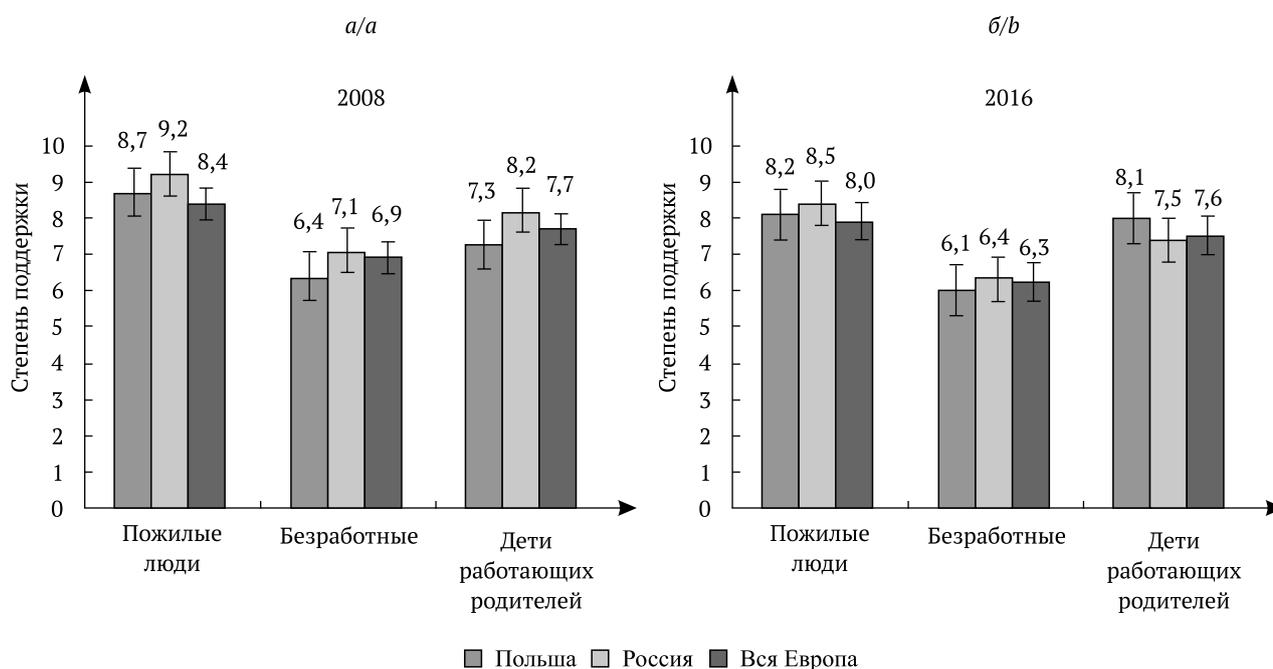

Рис. 2. Запрос на государственную поддержку различных целевых групп в Польше и России в 2008 г. (а) и 2016 г. (б) (ESS): средние значения и 95 % доверительные интервалы

Fig. 2. Demand of social support for various target groups in Poland and Russia, in 2008 (a) and 2016 (b) (ESS): mean values and 95% CIs

Результаты

Представления о том, кого и насколько должно обеспечивать государство, замерялись на основании опросов трех целевых групп: пожилые люди, дети работающих родителей и безработные (рис. 2).

Респонденты в обеих странах и в Европе в целом солидарны в том, что все три группы необходимо поддерживать, однако степень поддержки варьирует от 6 до 9 (по шкале от 0 до 10). На первом месте – поддержка пожилых людей, на втором – детей работающих родителей, на третьем – безработных. Различия в средних значениях между Россией и Польшей незначимы. Более того, за кризисные годы ожидание поддержки государством пожилых и безработных не изменилось, а поддержки детей работающих родителей выросло в Польше и снизилось в России (что может быть связано с особенностями законодательства и положением женщин на рынке труда).

Однако поляки и россияне по-разному смотрят на то, кто и на каких условиях заслуживает пособия по безработице (рис. 3).

Респонденты решали, оставить или отменить пособие по безработице, если безработный отказывается от работы по трем причинам: оплата гораздо ниже обычной, требуемая квалификация значительно ниже или это общественно-полезная работа по месту жительства. Причем в одном случае респонденты отвечали на вопрос о «человеке, который раньше работал», а во втором – уточнялось, что это к тому же родитель-одиночка с ребен-

ком до трех лет. На рис. 3 видно, что во всех шести случаях европейцы скорее поддерживают сохранение полного пособия, чем его отмену. Между Россией и Польшей заметны систематические различия: россияне всегда поддерживают полное сохранение пособия, даже если безработный отказывается от работы, а поляки чаще считают справедливым полную отмену пособия такому безработному. При этом положение безработных в своей стране и поляки, и россияне оценивают примерно на 4 из 10. В Европе в целом чаще всего поддерживают вариант «сократить пособие», чтобы стимулировать безработного к поиску работы.

Наконец, значительные различия проявляются между Польшей и Россией в оценке непреднамеренных негативных последствий социального государства (рис. 4).

В России в 2016 г., как видно из рис. 4, лишь небольшая доля респондентов считали, что социальные выплаты ухудшают социальную среду, поскольку выплаты, по их мнению, снижают желание помогать друг другу, тогда как в Польше таких респондентов было гораздо больше. Такой высокий показатель для Польши может свидетельствовать о снижении взаимовыручки и норм солидарности. Другое различие касается внутренних стимулов, конкуренции: более половины опрошенных поляков считали, что пособия делают человека ленивыми, а это в 3 раза выше респондентов-россиян и в 1,5 раза больше среднего значения по странам

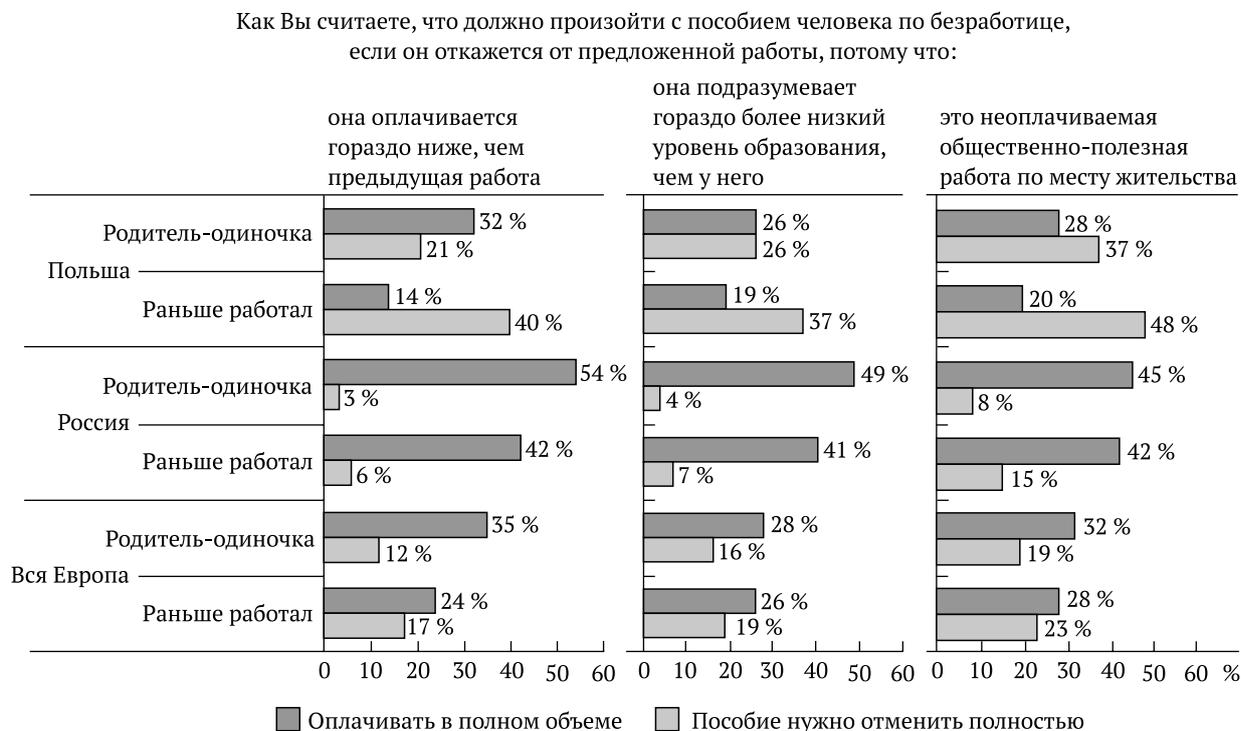

Рис. 3. Представления о справедливости в отношении получателей пособия по безработице в Польше и России в 2016 г. (ESS)

Fig. 3. Opinions about justice for the unemployment benefit recipients in Poland and Russia, 2016 (ESS)

Рис. 4. Максимально различающиеся установки в отношении последствий социального государства в России и Польше в 2008 и 2016 гг. (ESS)

Fig. 4. Maximal differences in the attitudes to social welfare consequences in Poland and Russia in 2008 and 2016 (ESS)

Европы. Третье различие касалось целей перераспределения на уровне всего общества: снижает ли оно неравенство? В Польше, как и в целом по Евро-

пе, с этим, скорее, согласны 40–50% респондентов, тогда как в России преодоление неравенства с государственными выплатами связывают лишь 23%.

Такое различие может быть связано с большим размером пособий в Польше и отсюда их большим «весом» для уравнивания возможностей.

Что изменилось с 2008 г.? В Европе в целом возросла важность выплат для снижения неравенства с 40 % до 50% (на фоне роста неравенства). В Польше доля тех, кто считает, что социальные выплаты снижают неравенство, выросла с 37 % до 44 %, а в России осталась на прежнем уровне – менее 25 %, что свидетельствует о более низкой социальной значимости выплат в России.

Изменились и представления польских респондентов о лени: в 1,3 раза до (60 %) выросла доля тех, кто считал, что выплаты делают людей ленивыми. Такая динамика может отражать как опыт кризисных лет, так и изменение ожиданий поляков от государства. В 2016 г. в идеал меритократического неравенства на основе личных усилий и способностей верили 62 % поляков и только 22 % россиян (42 % по Европе). Такое различие связано с представлениями о реальных возможностях добиться успеха своими талантами, а также с необходимостью и ролью индивидуальных усилий для достижения данной цели. При этом поляки, скорее, поддерживают общественное устройство с низким неравенством (60 % поляков, 55 % россиян и 60 %

по Европе), а 58 % из них были бы «за» безусловный базовый доход (73 % россиян и 56 % по Европе). Следовательно, россияне больше ориентированы на гарантированный базовый доход и при этом в меньшей мере согласны с неравенством.

Таким образом, между странами в рамках опроса проявляется контраст: при согласии большинства респондентов и в России, и в Польше с тем, что справедливо общество с небольшим неравенством, поляки ждут помощи от государства в меньшей степени, кроме того, они чаще считают, что социальные выплаты оказывают негативное влияние на моральные нормы. Ориентация на государство в России значительно выше, чем в Польше, несмотря на рыночные реформы в обеих странах и их принадлежность к общему типу социального государства.

Последним этапом анализа было сравнение роли индивидуальных факторов поддержки безработных. Отдельно для России и Польши методом линейной регрессии оценивалась связь между социально-экономическим положением и занятостью индивида (фактор индивидуального интереса), религиозностью и индикаторами базовых ценностей безопасности и самостоятельности (таблица).

Связь индивидуальных факторов с запросом на помощь безработным в Польше и России, 2016 г. (ESS)
Individual factors of social welfare demand for the unemployed in Poland and Russia, 2016 (ESS)

		Государство должно обеспечивать уровень жизни безработным (0–10)	
		Польша	Россия
Страна			
Константа		4,43***	6,04***
Социально-экономический статус	Пол (мужской, по сравнению с женским)	-0,28*	0,13
	Возраст (центрированный)	-0,01*	0,01
	Средний доход (по сравнению с комфортным доходом)	0,52**	0,09
	Низкий доход (по сравнению с комфортным)	0,10***	0,56*
	Очень низкий доход (по сравнению с комфортным)	3,04***	0,83**
	Среднее образование (по сравнению с начальным)	-0,34*	-0,25
	Высшее образование (по сравнению с начальным)	-0,90***	-0,33
	Религиозность (0–10)	0,11***	-0,04
Занятость	Учащийся (по сравнению с работающим)	-0,39	-0,24
	Безработный, ищет работу	0,78*	0,82*
	Безработный, не ищет работы	0,62	0,85
	Не работает по состоянию здоровья	0,82	-0,10
	На пенсии	0,36	0,16
	Занимается домашним хозяйством	-0,35	-0,03
Базовые ценности	Важность ценности безопасности	0,20*	0,10
	Важность ценности самостоятельности	0,08	-0,03
R^2 – скорректированное		0,09	0,02
Количество респондентов		1447	1888

ESS 2016. *p<0,05; **p<0,01; ***p<0,000

В таблице показано, что запрос на поддержку государством безработных в России не только в среднем выше, но он также не связан с полом, возрастом или образованием. В Польше, наоборот, более положительно к поддержке безработных относятся уязвимые группы: женщины, индивиды с начальным образованием, респонденты в возрасте ниже среднего по стране. В обеих странах за более высокий уровень поддержки безработных выступают те, кто сами ищут работу, и индивиды с более низки-

ми доходами. Таким образом, гипотеза о факторах личного интереса по-разному проявляется, но подтверждается. Гипотеза об идеациональных факторах находит только частичное подтверждение, поскольку ценность безопасности положительно связана с поддержкой безработных в Польше, но не в России. Такие различающиеся результаты могут объясняться как разными институциональными системами в двух странах, так и высоким базовым уровнем запроса на помощь безработным в России.

Заключение

В статье были показаны установки в восприятии социального государства и запроса на него в Польше и России как двух крупнейших стран с «постсоциалистическим типом» социального обеспечения. Путем сравнения результатов опросов ESS, проведенных в Польше, России и Европе в 2016–2017 гг., и их сопоставления с результатами 2008 г. выявлено, что предпочтения поляков и россиян в том, кто в целом заслуживает государственной поддержки, совпадают. Однако наблюдаются большие различия в том, какие условия являются справедливыми для выплаты пособия по безработице и в оценке негативных социальных и моральных последствий социального государства. Так, поляки намного чаще, чем россияне, выступают за отмену пособия для безработных, которые отказываются от работы, непривлекательной по оплате, квалификации или от общественно-полезного труда. Россияне, напротив, выступают за сохранение полного пособия, несмотря на отказ безработного от работы. Хотя большинство респондентов и в Польше, и в России выступают за общество с низким уровнем неравенства и за базовый доход, поляки значительно чаще считают, что социальные пособия делают людей ленивыми и снижают взаимопомощь.

Такая ситуация – следствие и уникальных страновых траекторий постсоциалистического изменения ценностей [18], и институциональных различий в социальной политике, отражающих различную роль социальных выплат в общественном устройстве. Сравнение результатов четвертой и восьмой волн ESS показывает, что значение социальных выплат в сокращении неравенства в Европе в целом выросло с 40 % до 50 %, тогда как в России осталось на прежнем невысоком уровне – 23 %, что говорит о меньшей выравнивающей способности пособий в России.

Это согласуется с предыдущими исследованиями, где показано, что негативные моральные по-

следствия социального государства значительно слабее воспринимаются в странах с высокой поддержкой идеала общественного равенства, «сильной руки» в политике и широкого участия государства в социальном обеспечении [1, с. 187]. Другими словами, те, кто больше зависит от социальных выплат, видят меньше негативных последствий социального государства и больше – положительных. Но чем щедрее социальные выплаты, тем больше респонденты озабочены их негативными моральными и социальными последствиями.

В целом в Польше наблюдается более низкий уровень социальной поддержки со стороны государства, чем в среднем по Европе [8, с. 19], в России тоже, что характерно для постсоциалистического типа социального государства и является следствием реформ и разрушения прежнего общественного строя. Другой общей чертой России и Польши является низкий уровень обобщенного доверия, который снижает поддержку социальных выплат за счет собираемых налогов. Отсутствие доверия в обществе зачастую замещается другими механизмами, включая клиентелизм [11, с. 54]. В обществах с постсоциалистическим типом социального государства действуют менее прозрачные правила социальной поддержки, в сравнении с институционально более развитыми европейскими странами, что делает «запрос на государство» в таких странах, как Польша и Россия, в большей степени вопросом идеологических предпочтений. Таким образом, в работе показано наличие существенных отличий в величине «запроса на государство» и его понимании в двух странах – России и Польше. Фокусирование на двух странах во времени позволило подробно сравнить паттерны сходств и различий между ними; но оно также является ограничением полученных выводов, которые нельзя распространить на другие страны «постсоциалистического» типа.

Библиографические ссылки

1. Van Oorschot W., Reeskens T., Meuleman B. Popular perceptions of welfare state consequences: a multilevel, cross-national analysis of 25 European countries // J. Eur. Soc. Policy. 2012. Vol. 22, № 2. P. 181–197.
2. Ravazzini L., Chávez-Juárez F. Which inequality makes people dissatisfied with their lives? Evidence of the link between life satisfaction and inequalities // SOCI. 2017. P. 1–25.
3. Esping-Andersen G. The Three Political Economies of the Welfare State // Int. J. Sociol. 1990. Vol. 20. № 3. P. 92–123.

4. Ferrera M. The 'Southern model' of welfare in social Europe // *J. Eur. Soc. Policy*. 1996. Vol. 6, № 1. P. 17–37.
5. Грязнова О. С., Магун В. С. Запросы жителей европейских стран на государственную социальную поддержку и их базовые ценности // SPERO. Социальная Политика. Экспертиза. Рекомендации. Обзоры. 2012. № 17. С. 7–34.
6. Aschauer W. Societal well-being in Europe: from theoretical perspectives to a multidimensional measurement // *L'Année sociologique*. 2014. Vol. 64. P. 295–330.
7. Hajdu T., Hajdu G. Reduction of income inequality and subjective well-being in Europe // *Econ. The Open-Access, Open-Assess. E-J*. 2014. Vol. 8. P. 1–29.
8. Panek T. Analiza porównawcza subiektywnego dobrostanu w Europie // *Wiad. Stat.* 2015. Vol. 2. P. 1–26.
9. Монусова Г. А. Соотношение запроса населения на государственную социальную политику и готовности к ее софинансированию: сравнение европейских стран // XIII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества : в 4 кн. М., 2012. Кн. 3. С. 49–61.
10. Svallfors S. Welfare attitudes in Europe: topline results from round 4 of the European social survey [Electronic resource]. 2012. URL: http://www.europeansocialsurvey.org/docs/findings/ESS4_toplines_issue_2_welfare_attitudes_in_europe.pdf (date of access: 01.02.2018).
11. Sztompka P. Trust: a cultural resource // *The moral fabric in contemporary societies* / G. Skąpska, A. Orla-Bukowska (eds.). Leiden ; Boston : Brill, 2003. P. 47–66.
12. Karpinski Z. Zaufanie uogólnione a ostrożność w kontaktach z nieznanymi: porównanie wyników dwóch sondaży // *Studia Socjol.* 2016. Vol. 3. P. 199–228.
13. Магун В., Руднев М. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // *Вестн. обществ. мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. 2008. № 1. С. 33–58.
14. Boer D., Fischer R. How and when do personal values guide our attitudes and sociality? Explaining cross-cultural variability in attitude-value linkages // *Psychol. Bull.* 2013. Vol. 139. P. 1113–1147.
15. Schwartz S. H. Les valeurs de base de la personne: théorie, mesures et applications // *Rev. fr. de sociol.* 2006. Vol. 47. № 4. P. 929–968.
16. Андрееenkova А. В. Сравнительные межстрановые исследования в социальных науках: теория, методология, практика. М. : Новый хронограф, 2014.
17. Weighting European Social Survey Data [Electronic resource]. 2014. URL: http://www.europeansocialsurvey.org/docs/methodology/ESS_weighting_data_1.pdf (date of access: 01.02.2018).
18. Куценко О. Д. Расходящиеся общества: особенности системной трансформации в России и Украине // *Мир России. Социология. Этнология*. 2006. № 3. С. 43–62.

References

1. Van Oorschot W., Reeskens T., Meuleman B. Popular perceptions of welfare state consequences: a multilevel, cross-national analysis of 25 European countries. *J. Eur. Soc. Policy*. 2012. Vol. 22, No. 2. P. 181–197.
2. Ravazzini L., Chávez-Juárez F. Which inequality makes people dissatisfied with their lives? Evidence of the link between life satisfaction and inequalities. *SOCI*. 2017. P. 1–25.
3. Esping-Andersen G. The Three Political Economies of the Welfare State. *Int. J. Sociol.* 1990. Vol. 20, No. 3. P. 92–123.
4. Ferrera M. The 'Southern model' of welfare in social Europe // *J. Eur. Soc. Policy*. 1996. Vol. 6, No. 1. P. 17–37.
5. Gрязнова О. С., Магун В. С. Запросы жителей европейских стран на государственную социальную поддержку и их базовые ценности. SPERO. Социальная Политика. Экспертиза. Рекомендации. Обзоры. 2012. № 17. С. 7–34 (in Russ.).
6. Aschauer W. Societal well-being in Europe: from theoretical perspectives to a multidimensional measurement. *L'Année sociologique*. 2014. Vol. 64. P. 295–330.
7. Hajdu T., Hajdu G. Reduction of income inequality and subjective well-being in Europe. *Econ. The Open-Access, Open-Assess. E-J*. 2014. Vol. 8. P. 1–29.
8. Panek T. Analiza porównawcza subiektywnego dobrostanu w Europie. *Wiad. Stat.* 2015. Vol. 2. P. 1–26 (in Pol.).
9. Monusova G. A. Sootnoshenie zaprosa na gosudarstvennuiu sotsialnuiu politiku i gotovnosti k ieio sofinansirovaniui: stavnenie evropeiskikh stran. *XIII International Academic Conference on Economic and Social Development*. Vol. 3. Moscow, 2012. P. 49–61 (in Russ.).
10. Svallfors S. Welfare attitudes in Europe: topline results from round 4 of the European social survey. 2012. URL: http://www.europeansocialsurvey.org/docs/findings/ESS4_toplines_issue_2_welfare_attitudes_in_europe.pdf (date of access: 01.02.2018).
11. Sztompka P. Trust: a cultural resource. In: Skąpska G., Orla-Bukowska A. (eds.). In: *The moral fabric in contemporary societies*. P. 47–66. Leiden ; Boston : Brill, 2003.
12. Karpinski, Z. Zaufanie uogólnione a ostrożność w kontaktach z nieznanymi: porównanie wyników dwóch sondaży. *Studia Socjol.* 2016. Vol. 3. P. 199–228 (in Pol.).
13. Магун В., Руднев М. Zhiznennyye tsennosti rossijskogo naselenia: skhodstva i otlichia v sravnenii s drugimi evropeyskimi stranami. *Vestnik obshestv. mnenia. Dannye. Analiz. Diskussii*. 2008. No. 1. P. 33–58 (in Russ.).
14. Boer D., Fischer R. How and when do personal values guide our attitudes and sociality? Explaining cross-cultural variability in attitude-value linkages *Psychol. Bull.* 2013. Vol. 139. P. 1113–1147.
15. Schwartz S. H. Les valeurs de base de la personne: théorie, mesures et applications. *Rev. fr. de sociol.* 2006. Vol. 47, No. 4. P. 929–968 (in Fr.).
16. Андрееenkova А. В. Srvnitelnye mezhstranovye issledovania v sotsialnykh naukakh: teoria, metodologia, praktika. Moscow : Novyi khronograf, 2014 (in Russ.).
17. Weighting European Social Survey Data. 2014. URL: http://www.europeansocialsurvey.org/docs/methodology/ESS_weighting_data_1.pdf (date of access: 01.02.2018).
18. Kutsenko O. D. Raskhodyashiesya obshestva: osobennosti sistemnoi transformatsii s Rossii i Ukraine. *Mir Rossii. Sotsiologia. Etnologia*. 2006. No. 3. P. 43–62 (in Russ.).